

ТАТЬЯНА БАТУРИНА ✓

БОРЕЦ ИЛИ КОМПЛЕКС ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Среди
КНИГ и ЖУРНАЛОВ

В прошлом году нашей ставропольской прозе повезло. Появились три интересные книги: «Афина Пап лада» Андрея Губина [Ставропольское книжное издательство), «Свирепый марсианский бог» Вадима Чернова [Ставропольское книжное издательство], «Круглый стол на пятерых» Георгия Шумгорова («Советский писатель»). Если книга Губина стоит несколько особняком те романы Чернова и Шумарова чем-то очень близки Это снова исповедь, хотя и более усложненной формы Нередко приводится слышать от читателя: «Опять «я» опять исповедь!» Но, вероятно, есть в ней необходи мечь. И не только мода это, но и дань времени. Родилась необходимость высказаться, необходимость за глянуть в сокровенные уголки души человеческой. Родилась, и еще не исчерпана.

Г. Шумаров стремится отойти от исповедальной формы, хотя использует кое-где и самораскрытие героя. Для него более характерно слияние авторской интонации с интонацией, свойственной характеру героя. Создается ощущение, что читатель общается с человеком баз посредника, как и в исповеди.

Духовный облик молодых врачей, их нравственное credo определяют содержание этого романа. Мы знакомимся с хорошими

людьми, мужественными, увлеченными своей работой, преданными в дружбе и верными в любви. Можно назвать много других качеств, которые только украшают человека.

Но в литературе достоинство образа измеряется, конечно, не суммой качеств, а характерностью. Что же такое герой — сумма плюсов и минусов или живой человек со своими радостями и болями!

Наибольшая удача, конечно же, Карпухин. Милый, чудаковатый Виталий Карпухин, невропатолог в роли хирурга, поэт, начиненный строчками, не напечатавший ни одного стихотворения. Поэт в душе и юморист по призванию. Карпухин, который в самолете перелил свою кровь тяжело раненному и спас его и который всегда смотрел на операцию издали, боялся взять в руки нож.

Читатель полюбит Карпухина. Ему придется по душе его приятие жизни, его непосредственность и жизнелюбие.

Каждого из пятерых Шумаров стремится наделить своим обликом. Читатель с тревогой следит за операциями, за судьбой больного, которого касался нож в руке одного из друзей.

Шумаров достигает главного, того, во имя чего, вероятно, и написана книга. Временами думаешь о молодых хирургах, что это не люди, а кудесники, боги, которым дана власть над жизнью человека. Книга Шумарова — в честь

великого, гуманного, титанического труда хирурга. Читатель за это скажет ему спасибо.

Но... Это сакраментальное «со». А может быть, обойтись без него! Трудно писать об этом самом проклятом «но», когда чувствуешь, знаешь, сколько труда, сердца и раздумий вложил автор в свой труд. Однако каждому свое. У каждого свой нож.

В необжитой комнате, где обитают пятеро стажеров-хирургов, происходит следующий разговор. Повод для него более чем серьезный. Один из стажеров Андрей Золотарев недавно допустил непоправимую ошибку. Не смог верно поставить диагноз, и больной ребенок умер на операционном столе. Теперь Золотареву грозит суд. Разноречивые чувства терзают Андрея. И слова, которые он произносит, несправедливы, хотя есть а них своя правда.

— Я плохо помню прежние времена, но > не хотел бы, чтобы о них мне напоминали. А тут не напоминают — судом грозят. Суд за то, что я ошибся, за то, что меня отрывают от больных и вызывают в облздравот-дел по поводу шифера. А я во всем честно признался, не соврал, не покривил душой.

— Пстой, пстой, — вмешался Глушко, — для тебя камеру подмели, что ли!

— Дудки! — ответил Золотарев.

— А что ж ты кипятильник включил! — миролюбиво осведомился Карпухин.

— Про райком понес, про карандашики, — махнул рукой Саша.

Великанов тихо сказал с кровати:

— Сам ты оттуда гришел, из тех времен. И нетерпимость твоя оттуда, и желчность...

Золотарев сел на стул, дернул с колен стрелочки брюк. Бледный, напряженный — весь характер наружу.

— Уж не тебя ли мне любить, коммунист Великанов, дорогой мой Николай Великанов, женатый человек, охмуряющий замужних женщин!..

Разговор этот, как обещание агтора. Упрощенности не будет. Жизнь сложна. Далеко не всегда операции бывают блестящи. И у хорошего коммуниста нередко случается, не ладится жизнь. И друзья не всегда понимают его правильно. И вообще много в жизни трудного, что мешает жить, — и вокруг, и в себе.

«Ты сам оттуда пришел, из тех времен».

Фраза, которая поистине несет в себе большой смысл, дает толчок к серьезным психологическим изысканиям. Во всяком случае, читатель не ждет после такого разговора упрощенных решений. Надо сказать, Г. Шумаров честно стремится уйти от них. Но...

Бой с банальностью, с шаблоном, который невольно ведет каждый, кто взял перо в руки, не всегда кончается его победой. Любой литературный жанр, а роман тем более, держится на коллизии, на столкновении характеров и страстей, на борьбе внешней или внутренней. И конечно же, добрые, хорошие и т. д. герои Шумарова сталкиваются с подлостью, мошенничеством, бюрократизмом. И вот когда обратишься к конкретному

проявлению этой борьбы, тут-то и возникает это «ко».

Дима Зарубин, один из пяти хирургов, ханжа и подающий надежды карьерист, Клара Архиповна Щапова, зав. отделом кадров, матерая взяточница, пьяница Щапов, еще один карьерист — врач Архипов, роскошная женщина Тамара Великанова.

Вереница отъявленных носителей зла, зла, так сказать, в чистом виде.

Автору не откажешь в живости соображения. Он умеет украшать их остренькими детальками. Но все эти герои настолько знакомы, настолько приелись, что само спешит на язык неприятное слово — штамп, шаблон.

Кто-то мудро сказал: если хочешь показать злого, найди, в чем он добр. Это мудро потому, что человек сложен, и потому, что лишь разглядев в нем его возможности, пусть самую малую искру человечности, можно понять этот характер не как порождение зла, а как явление социальное и почувствовать за ним то, что сделало его таким.

Шумаров же не скупится на деготь и на сахар. Его Зарубин, например, выше головы навьючен пороками. Что поделаешь, если добрый писатель не любит зло, не считает нужным задуматься над ним поосновательней. Зло! Щ баста. И это не случайность, а убежденность писателя, «вообще все чаще приходишь к выводу,— говорит он,— что не велика мудрость делить темных людей по оттенкам. Когда мы избавимся от привычки разбивать их на мелкие категории, мы будем реже ошибаться. Надо учиться

решительности».

Реже ошибаться? А может быть, чаще* Невольно вспоминается рассуждение Чернышевского о грязи больной и здоровой. Зло-то, оно тоже разное бывает. И не всегда злой бывает столь виновен. Как в сущности не виновен и Андрей Золотарев, хотя у него под ножом умер ребенок — из-за его неопытности. Разве неопытность, берущая в руки хирургический нож, не страшное зло. Однако автор оправдал Андрея. Значит, не так уж все просто. Естественно, что шаблонность некоторых характеров рождает и шаблонные ситуации. Тут и пожар, не имеющий никакого отношения к сюжету, и самостоятельный ремонт комнаты. И, наконец, ставший уже банальным конец. Самый положительный герой Саша Глушко погибает от ножа пьяницы и хулигана.

Глушко, который несет в себе груз положительных, как Зарубин,— груз отрицательных качеств, воспринимается до известного момента, как живой человек. Но наступает все же этот момент, когда ощущение жизненности исчезает. И хочется сказать — не поймешь — то ли сахару переложено, то пи еще чего. Стоит только писателю забыть о чувстве меры — и уже подстерегают его со всех сторон опасности штампов.

Шумаров силен в детализации. Можно бы привести немало примеров. За неимением места ограничимся одним. За общим ужином Зарубин съел лопнувший шарик, сунутый Карпухиным в перцы. Когда пораженный Карпухин увидел, что шарик вот-вот будет

проглочен и посоветовал от него избавиться, Зарубин ответил:

— За столом, в присутствии девушки!— и доел резину.

Точно и емко сказано. И сразу Зарубин получает ту живинку, которой ему так не хестало. Много в повести веселых, острых каламбуров. Тут Шумаров нашел себя. Его внешняя мрачноватая сосредоточенность часто заставляет думать, что в душе он юморист.

Роман В. Чернова «Свирепый марсианский бог» — прежде всего изыскание в области философской, нравственной. Для ее героя Димки Гаврилова, молодого рабочего, а потом корреспондента молодежной газеты самый насущный жизненный вопрос — о путях развития человеческой цивилизации. Только на первый взгляд он может показаться слишком отвлеченным. Конечно, мы встречаем весьма обильные рассуждения о Марсе, о марсианах, о возможной их встрече с землянами. Да еще и это «свирепое» название книги (кстати, совершенно к ней не подходящее и тоже дань шаблону — за-гну-ка позабористей — авось читатель клюнет]. Но не судьба марсиан волнует В. Чернова. Недаром профессор, отец Наташи, прямо говорит Димке о гипотезе, предполагающей наличие высокоразвитой марсианской цивилизации:

— Вы, Дмитрий, понимаете все серьезно. Пожалуй, не стоит. Это просто любопытная идея.

Элемент научно-фантастический в данном случае — не более как художественный прием. Речь идет не о марсианской, а о земной цивилизации, о пути, по ко-

торому должны, естественно, идти разумные существа. Разрушение, смерть, атомная катастрофа или созидание, расцвет человечности и разума.

Будущее земли Чернов проецирует на воображаемую марсианскую цивилизацию. Димка спорит с Зием, которому в будущем мерещатся только ужас и страх. Он убежден, что будущее — это торжество Любви и Разума. «Пройдут столетия, и Человек измерит величину Земли... Еще минуют столетия, и Человек достигнет звезд...»

И легенда о Странном Путнике, и рассказ о женщине, у которой погиб муж,— это отдельные штрихи общей концепции будущего. Книга Чернова — против войны, разрушения, человеческих страданий. Правда, писатель, стремясь к философскому освещению проблемы, иной раз заносится столь высоко, что отрывается от земли. Тогда возникает та бесплотность, те абстрактные рассуждения, которыми, вообще, нередко грешит В. Чернов. Представление о войне подчас абстрактно, за ним не ощущаешь реальных сил, гуманных и античеловеческих.

Надо отдать должное, В. Чернов старается вопрос о будущем сблизить с настоящим.

Однажды, сидя в ресторане с двумя стильными, «умеющими жить» молодыми людьми Вилем и Алешей, Димка слышит от одного реплику:

—Ты запоминай наш закон, Димочка,— среди своих — без свинства.

—А среди чужих!— спросил Димка.— Сволочи, а среди чужих как же! Поэтому они только наблюдают за нами, а прилететь — фигу! (Речь идет о марсианах).

Примет ли нынешних людей прекрасное будущее, когда все люди будут свои! Достойны ли они, этого будущего! Вот что волнует Димку. Потому-то с неприязнью и тревогой смотрит он на таких людей, как Виль и Алеша, которые мешают приближать будущее.

Чернов ищет тех людей, которые стали как бы посланцами будущего в настоящем.

«Не дать никому погибнуть, не погубить и себя. Счастьем наполнить каждого и самого себя...» — это слова Наташи, обращенные к Димке. Наташа и есть, по мнению автора, человек, несущий в себе нравственность будущего.

Она произнесла эти слова, когда оба они изнемогли, выбились из сил. Мотоцикл стал. Нужно было нести мальчика с больной ногой. Из-за него они и покинули ночью, в непогоду теплый дом чабана — спешили в больницу. Димка не хотел бросать Наташу, которая обессилела, и уйти с ребенком.

«Я не могу быть бесконечно добрым,— подумал он.— И если на то пошло, Наташка для меня дороже, чем любой другой человек в мире». Снова спор о своих и чужих. Вот тогда-то она и сказала ему эти слова.

В конце книги Наташа погибает. Погибает, чтобы спасти другого мальчишку, едва не попавшего под мотоцикл. И тогда Димка, измученный, исстрадавшийся, вспоминает ее слова о счастье, и ему кажется, что

среди звезд летят голубые шары. Будущее, доброе, светлое,— придет. Слова, сказанные Наташей, приобретают более глубокий смысл. Служить людям, делать их счастливыми и тем самым не дать в себе погибнуть человеку будущего, которому будет чужд эгоизм.

Гибель героини имеет и еще один, так сказать, скрытый смысл. Наташа опередила других, она как бы та первая ласточка, которая прилетела из будущего слишком рано.

Вот тут и возникает желание взглянуть на милую, слазуга Наташу с другой стороны. В книге, где речь идет о борьбе добра и зла, они фактически не встречаются, не сталкиваются, существуют сами по себе. Наташа неслась по жизни, не касаясь грязи и пыли, которые есть еще на земле. Она умела быть доброй. Но никогда не имела нужды стать злой к злу.

Да и те люди, кто воплощают в романе себялюбие, ограниченность, равнодушие, обрисованы бегло, по готовым шаблонам, неинтересны, мелки.

Повесть А. Губина «Созвездие ярлыги» (о рассказах Губина, которые на мой взгляд,— самое интересное в нашей прозе прошлого года,— разговор особый) переносит читателя на Черные земли. Сочно и резко ложатся крупные мазки. Крепко, незыблемо сказано о труде человеческом. Нелегка работа чабанов, не человек, вложив в нее душу, может поистине творить чудеса.

Сайд Муратов — лучший чабан. Этим уже многое сказано. Но Сайд — не только лучший чабан. Это

— человек. Он не хочет личных удач. Поэтому и берет еле живую отару и выхаживает ее, поэтому, как только овцы встали на ноги, отказывается от лишних кормов, что ставили его в привилегированное положение.

Честность, принципиальность, суровость по отношению к себе, забота об окружающих людях — в любом его поступке. Сильное чувство Сайда, отца двоих детей, к замужней Секки, тоже проявилось честно и открыто. Он не хочет скрывать этой первой в его жизни большой любви.

Но вот мы сталкиваемся с Саидом в иных обстоятельствах. На собрании, где сам Бекназаров, управляющий отделением, ждет от него выступления, для себя приятного (Сайд, собственно, и обещал ему такое выступление), он вдруг начинает говорить о недостатках, о разных формах обмана государства, которые существуют в чабанском деле у нечестных людей.

Бекназаров возмущен, автор, чувствуется, в восторге от своего героя. А читатель несколько обескуражен. Чем, собственно, восторгаться! Речь Сайда на собрании настолько обща и нецеленаправленна, даже беспомощна, что вызывает скорее сочувствие, чем восторг. Это критика в пространство, без указания конкретных лиц, где поименованы преступления, но не названы преступники, кроме разве одного чабана, уволенного год назад.

Снова встречаемся мы с Саидом в городе. Он пытается восстановить справедливость, у него отняли отару, после его выступления

на собрании. И опять та же, пусть и запальчивая, усталая и безнадежная беспомощность. В душе он готов признать себя неправым, слишком горячим, хотя понимает истинные, неблагоприятные причины своего увольнения.

И опять в конце повести, когда измученному неудачами Муратову приходится спасать чужую отару во время метели,— та же внутренняя усталость.

Муратов погиб, погиб нелепо, потому что, задумавшись, провалился под лед, так и не спасши отару. Погиб, не зная, что справедливость восторжествовала. «Рано начал работу синий чабан! Рано!» Не устоял перед жизнью белокурый мечтатель, чабан, душа которого рвалась в космос.

Еще одна гибель героя.

Три книги — о разных сферах жизни, о разных людях — завершаются в сущности одинаково — они не выдерживают бремени жизни и покидают страницы книги. И если подумать — что еще оставалось бы авторам, кроме как устранить их! Как это ни парадоксально, смерть была, пожалуй, единственным средством сделать эти (что греха таить!) слегка подслащенные образы более жизненными.

Им явно не хватало некоего качества, без которого трудно представить положительного героя, реального человека в реальной жизни. И трагическая гибель — уж не прием ли это — увы, давно не новый.

Но, позвольте, слышу я голос читателя здравого и разбирающегося, ведь писатели и не скрывают, что их

герои, так сказать, обогнали жизнь, они — лучшие, и смерть их скорее всего — факт символический, означающий только, что современному человеку еще расти да расти до подобных высот.

Вы хотите сказать, дорогой читатель, что герои эти более воплощают представление авторов об идеальном человеке, что они скорее могут быть названы романтическими, чем реалистическими характерами. Что ж, с вами можно согласиться. Но тогда возникает вопрос, насколько представление автора о лучшем образце человека, о норме, так сказать, может удовлетворить человека современного, реального, топчущего и возделывающего землю.

Будущее для нас — это не нечто далекое и абстрактное. Будущее — то, что мы хотим делать сегодня. И когда придет это будущее, для людей оно станет настоящим, и они снова будут творить свое будущее. Всегда что-то отживающее будет мешать утверждающемуся, новому, и всегда в труде и борьбе люди будут его утверждать. Нет, не представляю героя ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня без качеств гражданина и борца, без умения стоять за то, что дорого и свято.

Шумаров, очевидно, понимал, что нет героя вне борьбы, но в его романе столкновения выглядят все же несколько кукольными. Зло так легко и быстро наказывается, что только диву даешься, отчего существуют еще на свете ханжи, жулики и бюрократы.

Героям Чернова и Губина при всем нагнетании самых лучших человеческих качеств явно не

хватило умения бороться со злом. Наташа вообще его не касалась и не замечала. Сайд перед ним бессилён.

И вот ведь что любопытно, попытайтесь авторы свести своих героев с небес на землю, заставь побольше повариться в жизненном котле, они, может быть, кое-что утратили бы из своих достоинств. Ведь когда человек сражается, он может и рассердиться, и обидеть кого-то, и допустить ошибку. Но они приобрели бы то, без чего нет реалистического характера — жизненность.

Однако пусть не звучит это рассуждение лишь в упрек писателям. Они свое сказали, заставили подумать, погрузить над судьбой хороших и высоконравственных своих героев. И за то им спасибо.